

Природа насилия и его роль в историко-политическом процессе

Аннотация

Наиболее часто феномен насилия анализируется в этических категориях, что понятно, закономерно и правильно. Однако насилие – сложный, многоаспектный феномен, относящийся к ведению различных наук. В рамках социальной психологии, политологии и социологии сложились разные подходы к объяснению данного феномена. В данной статье предпринята междисциплинарная попытка понимания и объяснения того, почему насилие неизбежно сопровождает историко-политический процесс.

Abstracts

Usually the phenomenon of violence is analyzed in ethical categories. This approach is obvious, normal and acceptable. But violence is a complex, multidimensional phenomenon relating to various sciences. This article represents an interdisciplinary attempt to understand the negative and positive aspects of violence in their dialectical unity, to understand why this phenomenon still inevitably accompanies social process.

Ключевые слова:

насилие, биосоциальная природа человека, государство.

Key words:

violence, biosocial human nature, social process, state, punishment, war.

Несмотря на то, что понятие «насилие» восходит к слову «сила», отнюдь не всякое силовое взаимодействие является насилием. Оно имеет место лишь во взаимоотношениях человеческих особей, обладающих свободной волей. В обыденном сознании применение насилия обычно наделяется эпитетами «бесчеловечный», «зверский», «дикий». Однако зоологами установлено, что животные гораздо более «миролюбивы», чем люди. У животных существует инстинкт торможения внутривидовой агрессии, который срабатывает в случае, если сила животного соразмерна его возможности смертельно ранить сородича.

Если одна из особей в процессе схватки принимает жертвенную позу, это автоматически парализует агрессора. Народная мудрость выразила эту мысль в поговорке «Ворон ворону глаз не выклюет».

В природе существует внутривидовая борьба и антагонизмы, но нет свойственных человеческому сознанию противоречий. Только люди слепы в своей ярости, свободны в выборе из нескольких стратегий поведения, а значит вынуждены сознательно себя контролировать. Биолог К. Лоренц, обобщив большой объем эмпирического материала на эту тему, сокрушался: «Можно лишь сожалеть, что человек... не имеет натуры хищника»¹.

Таким образом, в био-социальной природе человека насилие является производной социального, а не биологического компонента. Более того, насилие манит человека. Подопытная крыса, видя мучающегося сородича, испытывает страдание, она начинает конвульсивно дёргаться и имитировать то же болезненное состояние². В отличие от животного, человек может спокойно наблюдать за чужим страданием и даже получать удовольствие, чем объясняется большой коммерческий успех фильмов со сценами жестокости.

Сторонники классического психоанализа и неопрейдизма объясняют склонность человека к насилию через конфликт между подсознательным и надсознательным слоями в структуре личности. В социальной психологии существует мнение, что причиной агрессии является фрустрация. Насилие в таком случае применяется по отношению к источнику фрустрации, чтобы избавиться от своего некомфортного состояния. В рамках этого же подхода к объяснению насилия существует концепция депривации (лишения). Причину насилия она видит в ситуации, когда члены одной расовой, религиозной, этнической, политической или экономической группы сопоставляют свое положение с членами другой группы и начинают испытывать депривацию, что подталкивает их к насилию.

Антропологи считают³, что причиной алогичного с точки зрения природы поведения человека является его интеллект. Гоминидов изначально отличал недостаток популяционноцентрического инстинкта. Он подавлялся вплоть до полного исчезновения параллельно процессу развития интеллекта. Если поведение животного контролирует биологическая директива сохранения популяции, то поведение человека в конечном счёте определяется его свободной волей. Каждый из нас ощущает себя индивидуальностью, а не частью огромной массы особей численностью в 6 миллиардов. В этом смысле призывы экологов и пацифистов задуматься о будущем человечества в той же степени являются

¹ Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс-Универс. 1994. С.237.

² См. эксперимент Е. Торндайка, описанный им в работе *Thorndike E. Human nature and social order. N.Y., 1940.*

³ Гримак, Л. П. Вера как составляющая гипноза. Прикладная психология (6): 89-96. 2001 *Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука. 1979.*

выходом на новый прогрессивный уровень мышления, сколько сознательным возвратом к популяционцентризму, но уже на рациональном уровне .

Небольшая историческая ретроспектива эволюции насилия приведена с двумя целями. Первая — показать, что насилие имеет не биологическую, а социальную природу, является исключительно человеческим атрибутом. Вторая — продемонстрировать далее, как феномен насилия вплетён в другие социальные и политические феномены, как в течение тысячелетий он был локомотивом общественного развития.

Насилие подразумевает отношение власти и подчинения, изначальное неравенство объекта и субъекта насилия. Такое явление на первый взгляд кажется антигуманным, однако именно обеспечило тот уровень жизни, которым мы с вами довольствуемся сегодня. Общество на одном из ранних этапов интуитивно выбрало самый эффективный способ обеспечить себе выживание — за счёт угнетения своей части. Не одно тысячелетие оно следовало стихийно найденному правилу «проигрывает часть — выигрывает целое». Разумеется, это не было тщательно просчитанной и сознательно реализуемой людьми траекторией развития. Как горная река находит кратчайший путь спуститься в долину через ущелье, так и общество в мириадах хаотичных действий людей нащупало такой эволюционный путь, который оказался выигрышным для популяции. Метод выживания популяции за счёт насилия одной особи над другой противоречит биологической логике мира животных. В социальном мире он возымел успех, доказательством чему служит экспоненциальный демографический рост населения Земли за последние несколько веков. Ни Первая, ни Вторая мировые войны, ни предыдущие не смогли этому воспрепятствовать.

На протяжении столетий увеличение продолжительности и улучшение условий жизни, освоение новых методов строительства, лечения, возделывания растений и разведения животных, увеличение плодородности почв, развитие транспорта, прогресс науки, искусства и даже философии осуществлялся за счёт подавления чуть ли не большинства населения. Пользуясь терминами марксистской теории, можно сказать, что на каждом историческом этапе рабовладение и сходные формы организации общественных отношений обеспечили возможность для экономического прогресса. Известно выражение самого Маркса о том, что «насилие — повивальная бабка истории». Практикуя насилие в той или иной форме, общество в целом оказывалось мудрее любой своей части. Вплоть до прошлого века оптимальным для семьи было чёткое распределение ролей: мужчина брал на себя роль добытчика, а женщина занималась воспитанием детей и домашним хозяйством. Семья была экономической структурой, а не союзом по любви. Вплоть до прошлого века в Китае убийство «лишних» новорожденных было вынужденной необходимостью, поскольку семья не могла прокормить большое количество голодных ртов. Ребёнок имел смысл, если мог помогать по хозяйству.

Таким образом, насилие пронизывает общественную эволюцию насквозь. Поскольку её темпы в разных регионах мира неравномерны, различаются как объёмы, так и формы насилия в социальных и политических отношениях разных стран. С высоты европейского опыта с его гуманизмом и приматом прав человека убийство детей кажется варварским анахронизмом. Общество почти избавилось от подобных архаических механизмов выживания, но не избавилось от насилия, которое по-прежнему пронизывает социальные отношения, эволюционируя вместе с развитием социальных структур.

Развитие техники и технологии увеличило разрыв между субъектом и объектом насилия, создало механизмы непрямого насилия, наиболее мощным из которых в современности является институт государства, обладающим легитимным правом «надзирать и наказывать». В нём насилие принимает организованные формы, институционализируется и легитимизируется самими членами общества. Государство обладает монополией на применение насилия. По рождению каждый гражданин оказывается вписан в его рамки и обязан следовать установленным до него институциональным правилам игры, которые с одной стороны защищают его права, а с другой стороны накладывают обязательства, отказ от исполнения которых повлечёт насилие со стороны государства.

Люди посредством государства осуществляют насилие под абстрактными лозунгами борьбы с терроризмом, с инакомыслящими, с понаехавшими, с пятой колонной и т.д. Даже при демократическом режиме руками государства, т.е. руками армии, полиции и судебной системы граждане приводят политическую действительность в соответствие с собственными представлениями о справедливости, наказывают преступников, инициируют насилие и карают за него. Мишель Фуко на примере гильотины описывает, как физическая власть над телом постепенно сменяется дисциплинарной властью: «Гильотина отнимает жизнь, почти не касаясь тела, подобно тому как тюрьма лишает свободы, а наложение штрафа забирает часть имущества. Она задумана таким образом, чтобы обеспечить применение закона не столько к реальному телу, способному испытывать боль, сколько к юридическому лицу, обладающему помимо других прав правом на жизнь. Она должна обладать абстрактностью самого закона»⁴.

Сторонники договорной⁵ теории происхождения государства считают, что государство возникает как результат договора граждан, одной из целей которого является обеспечение безопасности. Государство получает монополию на насилие, чтобы обеспечить безопасность своим создателям — отдельным членам общества. Однако задача оказывается нелёгкой. Максимум, на что способно государство — наказать преступника, применив по отношению к нему насилие. При этом даже высшая мера наказания - смертная казнь - не является эффективным средством снижения преступности. Среди обществоведов

⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad marginem. 1999.

⁵ Т.Гоббс, Дж.Локк. Ж.Ж.Руссо, Г.Гроций

существует мнение⁶ об отсутствии функциональной связи между тяжестью наказания и возможностью остановить преступность. Ментальная инерция общества не позволяет избавиться от применения казни как наивысшей формы наказания, которое остаётся пережитком прошлого. Наказание удовлетворяет чувство мести и обиды у пострадавших от преступления. Применение наказания создает иллюзию борьбы против преступности. На самом деле возникает весьма противоречивый эффект: общество ожесточается и берет на себя функцию карателя, символически опускаясь до уровня преступника. Наказывая преступника, общество начинает копировать его поведение: он убил, и мы его убьем.

Диалектика в функционировании государства заключается в том, что для того, чтобы быть способным охранять и защищать индивидов от насилия оно должно иметь монополию на насилие. Приобретая монополию на насилие, государство само становится его источником. Гоббс не случайно называл государство Левиафаном. Йохан Галтунг, следуя сходной логике, выдвигает теорию «структурного насилия», объясняющую роль общественных и политических институтов в поддержании насилия.

Возникает закономерный вопрос, если государство подразумевает насилие, то не лучше ли от него избавиться? Очень яркий ответ, отражающий противоречивость феномена государства, с предлагает Д.Неведимов⁷: «Важно сводить внутреннее насилие в государстве к минимуму. Но если уничтожить государство, то общество просто скатывается к более простым и диким формам насилия, к господству физической силы». Оправдывает применение насилия в исключительных ситуациях и патриарх либерализма Д.Локк писал: «Во всех положениях и состояниях — лучшее средство против силы произвола — это противодействовать ей силой же. Применение силы без полномочий всегда ставит того, кто ее применяет, в состояние войны как агрессора и дает право поступать с ним соответствующим образом».

Государство не автономная сущность, оно является источником насилия в той же степени, как им является каждый из граждан. Будучи социальным конструктом, оно отражает и воспроизводит принятые в обществе нормы поведения. В конечном счёте не государство, а сами атомарные индивиды одобряют «узаконенное убийство». Этот простой и популярный, но неэффективный метод насильственного разрешения конфликтов стал нормой. Он переносится с отношений между индивидами в отношения между социальными группами внутри государства и в отношения между индивидами и государством, а на международной арене - между государствами.

⁶ Т.Хаммарберг . Необходимо продолжать борьбу за отмену смертной казни. Портал «Информационный офис Совета Европы России» от 05.10.2009 <http://www.coe.ru/doc/Commissioner/TH-1.php>

Сахаров А.Д. Письмо в организационный комитет симпозиума по проблемам смертной казни.

НьюЙорк, Хроника-Пресс. 1977 http://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_dp.htm

⁷ Неведимов Д. Религия денег или лекарство от рыночной экономики. 2003. – 735 с.

Единственное из предоставляемых государством благ, которое индивиды не могут обеспечить себе без помощи государства, благо, которое невозможно купить, - это защита национальной безопасности в случае международного конфликта. Однако что такое война? Война является противоборством государств, порождением международной системы национальных государств, поскольку отдельный индивид не способен развязать кровопролитие такого масштаба. Это делает государство, зачастую вопреки мнению своих граждан.

Насилие порождает насилие. Однако в ряде случаев оно способно предотвратить насилие большего масштаба, и поэтому необходимо. Тезис о правомерности превентивного насилия по меньшей мере спорен, однако он часто используется в целях популистского оправдания. Возьмём в качестве примера войну в Ираке. С одной стороны, решение администрации Дж.Буша начать войну продемонстрировало грубое нарушение международных норм, доказало, что война в международных отношениях по-прежнему является функцией силы, а не права. С другой стороны, эта война явила собой прорыв в нравственном и политическом прогрессе общества (если можно так выразиться, говоря о войне): по её результатам был положен конец одной из самых кровавых диктатур. Сторонники подобных государственных режимов в других странах получили впечатляющий урок. Диктаторы Северной Кореи, Туркменистана, Ливии, многих африканских стран поневоле задумались над своей судьбой: в лице Соединённых Штатов они имеют грозную силу, способную перешагнуть через «национальный суверенитет». Война в Ираке стала отправной точкой нового этапа в мировой политике, где диктатуры признаются незаконными и провоцируют своё насильственное устранение. Насильственное действие продемонстрировало как преследование политических интересов и игнорирование норм международного права, так и провозглашённые благонамеренность и приоритет прав человека.

Таким образом, феномен насилия не однозначен. Его негативные характеристики очевидны и не нуждаются в доказательстве. В данной статье была предпринята попытка показать, каким образом насилие принимает диалектически противоположные черты. Безусловно, понимание сущности данного феномена в полной мере должно способствовать гуманизации общества.

Библиография

1. *Гримак, Л. П.* Вера как составляющая гипноза. Прикладная психология (6). 2001.
2. *Лоренц, К.* Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс-Универс. 1994.
3. *Неведимов Д.* Религия денег или лекарство от рыночной экономики. 2003. – 735 с.

4. *Сахаров А.Д.* Письмо в организационный комитет симпозиума по проблемам смертной казни. Нью-Йорк, Хроника-Пресс. 1977
http://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_dp.htm
5. *Скакунов Э.И.* Природа политического насилия // Социологические исследования. 2001. № 12.
6. *Поршнева, Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука. 1979.
7. *Хаммарберг Т.* Необходимо продолжать борьбу за отмену смертной казни. Статья на сайте «Информационный офис Совета Европы России» от 05.10.2009 <http://www.coe.ru/doc/Commissioner/ТН-1.php>
8. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. М.: Ad marginem. 1999.
9. *Thorndike E.* Human nature and social order. N.Y., 1940.